Р
3390
Пет
Кис

КЪ ИСТОРІИ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЙ.

(ЗНАЧЕНІЕ ПОЭЗІИ А. С. ПУШКИНА ВЪ СЕЙ ЖИЗНИ).

Н. И. Петрова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1899.

Пров. 1955

РУ
3390
Пет
Кис

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствительнаго Члена **Н. И. Петрова.**

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ
3360
25

Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1899 г.

Кто изъ свѣтскихъ людей читалъ извѣстные очерки бурсы Н. Г. Помяловскаго, появившіеся въ 1860 годахъ, тотъ, вѣроятно, удивится формулировкѣ нашей темы и готовъ будетъ признать ее искусственною. Въ самомъ дѣлѣ, если вполнѣ вѣрить правдивости очерковъ бурсы Помяловскаго, то, спрашивается, какое значеніе могла имѣть поэзія Пушкина для этого грубаго, заскорузлаго и отсталаго міра, называвшагося бурсою? да и могъ ли быть извѣстенъ этой бурсѣ и понять ею нашъ великій поэтъ, рожденный для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ?

На эти вопросы мы должны сказать, что Помяловскій, частію изъ соревнованія «Запискамъ изъ Мертваго дома» Достоевскаго, частію по матеріалистическимъ взглядамъ, наложилъ на бурсу, какъ *духовно-учебное* учрежденіе, уже слишкомъ мрачныя краски, далеко не соотвѣтствовавшія дѣйствительности, а мѣстами пользовался исключительными явленіями изъ бурсацкой жизни, возводя ихъ въ общіе типическіе образы. Въ одномъ примѣчаніи къ своимъ «Женихамъ бурсы» онъ пишетъ слѣдующее: «между прочимъ, описывая бурсу»,—говоритъ онъ,—мы опустили очень важное обстоятельство, что повело ко многимъ недоразумѣніямъ. Мы забыли сказать, что, описываемая нами бурса—было закрытое учебное заведеніе. Ученики ее не жили, какъ въ другихъ бурсахъ, на вольныхъ квартирахъ. Всѣ, человѣкъ до пятисотъ, помѣщались въ огромныхъ каменныхъ зданіяхъ, постройки временъ Петра I. Эту черту не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, потому что въ другихъ бурсахъ вольныя квартиры порождаютъ типы и бытъ бурсацкой жизни такіе, которыхъ нѣтъ въ закрытомъ зданіи. Быть можетъ, здѣсь же должно искать причину и того, что формы бурсацизма въ нашемъ училищѣ сложились такъ оригинально и такъ неискоренимо. Традиція, при закрытости заведенія, имѣла полную силу и жизненность» [1]. Но такихъ всепоглощающихъ бурсъ, въ которыя все-

[1] Полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго, С.-Петербургъ, 1868 г., т. II, стр. 139.

цѣло помѣщалось бы все духовно-учебное заведеніе, было тогда весьма и весьма мало въ Россіи. Большею частію, въ тогдашнихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ воспитанники раздѣлялись на казеннокоштныхъ или бурсаковъ въ собственномъ смыслѣ и на своекоштныхъ или квартирныхъ. Тѣ и другіе сходились, однако, въ классахъ, въ церкви, на рекреаціяхъ и т. п. и, конечно, имѣли вліяніе одни на другихъ: квартирные, стоявшіе ближе къ жизни, вносили въ бурсу струю болѣе свѣжаго воздуха, но за то въ свою очередь заражались отъ бурсы извѣстными традиціонными бурсацкими привычками и пороками. Въ общемъ итогѣ, однако, жизнь бурсы не стояла на одномъ и томъ же умственномъ и нравственномъ уровнѣ, а имѣла болѣе или менѣе тѣсныя связи съ общимъ умственнымъ и литературнымъ движеніемъ въ Россіи и слѣдовательно имѣла своего рода развитіе и исторію. Такова, напр., была Воронежская семинарія, воспитанники которой первые содѣйствовали умственному и эстетическому развитію извѣстнаго нашего поэта Кольцова. Мы знаемъ даже такія духовныя училища и семинаріи, въ которыхъ вовсе не было бурсы, т. е. казеннаго общежитія. Пишущій эти строки учился въ такомъ духовномъ училищѣ, въ которомъ до 1870 годовъ вовсе не было бурсы, а смотритель училища, почтенный протоіерей съ семинарскимъ образованіемъ, строго воспретилъ не только рядовымъ учителямъ, но и самому инспектору, бить и сѣчь учениковъ. Въ семинаріи бурса сгорѣла въ 1840 году и вновь выстроена тоже въ 1870 годахъ. Казеннокоштные ученики получали казенное пособіе, по третямъ или четвертямъ года, на-руки и, наравнѣ со своекоштными, жили на вольныхъ квартирахъ. Въ концѣ 1850 и въ началѣ 1860 годовъ ученики этой семинаріи имѣли возможность пользоваться публичной городской библіотекою, сами собирали между собою до 300 руб. въ годъ на выписку книгъ для своей ученической библіотеки и, съ разрѣшенія начальства, безмездно учили дѣтей въ двухъ многолюдныхъ воскресныхъ школахъ, устроенныхъ фабрикантами при своихъ фабрикахъ.

Даже въ той исключительной бурсѣ, которую описывалъ г. Помяловскій, не было той отсталости отъ литературнаго движенія въ Россіи, какую онъ хочетъ навязать ей. Г. Помяловскій представляетъ, что его бурсаки въ литературномъ своемъ развитіи не пошли далѣе заучиванія нѣкоторыхъ ходячихъ романсовъ, пѣсенъ и стиховъ XVIII в. или много-много произведеній Державина и Жуковскаго. А между тѣмъ изъ самихъ очерковъ бурсы Помяловскаго можно видѣть, что его бурсаки не только знакомы съ произведеніями Пушкина и Лермонтова, но и подражали имъ въ своихъ стихотворныхъ произведе-

ніяхъ. Такъ, напр., по словамъ г. Помяловскаго, «какой-то отпѣтый возглашаетъ еще стихъ домашняго издѣлія:

Въ девятомъ часу по утрамъ,
Лишь лампы блеснутъ на стѣнахъ,
Мужикъ Суковатовъ несется,
Несется въ личныхъ сапогахъ» [1].

Но этотъ «стихъ домашняго издѣлія» есть не что иное, какъ карикатурное примѣненіе къ бурсацкой жизни извѣстнаго стихотворенія Лермонтова «Воздушный корабль», предполагающее знакомство карикатуриста съ оригиналомъ.

Но, что особенно для насъ важно, въ очеркахъ бурсы Помяловскаго есть достовѣрные слѣды вліянія Пушкина на бурсацкую жизнь и поэзію. Г. Помяловскій въ своемъ очеркѣ «Зимній вечеръ въ бурсѣ» въ двухъ мѣстахъ приводитъ отрывки изъ «восьмипѣсенной Семинаріады» которая, по его словамъ, «составлена давно и переходитъ по преданію отъ одного поколѣнія къ другому». Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ «Семинаріада» такъ описываетъ ночь:

Уже въ обители священной
Привратникъ заперъ крѣпко входъ
И схимникъ въ кельѣ единенной
На сонъ грядущій presses (preces?) чтетъ.
Морфей на городъ сыплетъ маки,
Заснулъ народъ мастеровой;
Однѣ не дремлютъ лишь собаки,
Да кой-гдѣ вскрикнетъ часовой.
Вторично пѣтухи кричали.
Былъ ночи часъ; всѣ крѣпко спали [2].

Присматриваясь къ техническому построенію этихъ стихотворныхъ отрывокъ изъ «Семинаріады», мы не можемъ не замѣтить, что они написаны по тѣмъ же правиламъ стихосложенія, по какимъ написаны произведенія Пушкина «Русланъ и Людмила», «Евгеній Онѣгинъ», «Полтава» и др., тамъ и здѣсь ямбическій 4-стопный стихъ, то съ перемежающеюся черезъ стихъ или два стиха, то съ рядомъ стоящею риѳмою. Такимъ образомъ, «Семинаріада» очерковъ бурсы Помяловскаго, по техническому построенію своихъ стиховъ и вообще по

[1] Тамъ же, т. II, стр. 37.

[2] Тамъ же, стр. 56. Другой отрывокъ—тамъ же, стр. 36 и 37.

внѣшней формѣ, можетъ быть признана подражаніемъ одному изъ крупныхъ стихотворныхъ произведеній Пушкина.

Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать ни о содержаніи этой «Семинаріады», ни объ ея идеѣ. Лишь только по аналогіи бурсы, изображенной у Помяловскаго, съ другими современными ей провинціальными бурсами мы можемъ судить о томъ, насколько серьезно или несерьезно и поверхностно проникалась тогдашняя духовная бурса вообще какъ внѣшними художественными пріемами, такъ и внутренними идеалами поэзіи Пушкина, и насколько ихъ прилагала къ своей жизни. Мы преимущественно имѣемъ здѣсь въ виду хорошо извѣстную намъ К—ю семинарію, и притомъ за то приблизительно время, когда жилъ и учился въ своей бурсѣ Помяловскій.

Въ К—ой семинаріи было двоякое отношеніе ея воспитанниковъ къ поэзіи Пушкина: они знали наизусть почти всѣ ходячіе тогда романсы и пѣсенки А. С. Пушкина и списывали для себя болѣе крупныя его произведенія; но въ то же время имѣли и самодѣльную «Семинаріаду», параллельную «Семинаріадѣ» бурсы Помяловскаго, и реально изображавшую бытъ и нравы провинціальнаго бурсака.

Въ 1850 годахъ въ К—ой семинаріи воспитанниками ея распѣвались или произносились наизусть слѣдующія стихотворенія А. С. Пушкина: романсъ: «Подъ вечеръ, осенью ненастной», «Погасло дневное свѣтило», «Черная шаль (Молдавская пѣсня)», «Старый мужъ, грозный мужъ», «Если жизнь тебя обманетъ», «Зимній вечеръ», «Утопленникъ», «Бѣсы», «Гусаръ» и др. Въ рукописныхъ же семинарскихъ сборникахъ нерѣдко встрѣчались и болѣе крупныя стихотворныя произведенія Пушкина: «Русланъ и Людмила», «Евгеній Онѣгинъ», «Кавказскій плѣнникъ» и др. А въ 1860 годахъ семинаристы получили болѣе или менѣе свободный доступъ и къ полнымъ печатнымъ собраніямъ сочиненій нашего знаменитаго поэта.

Но, — что для насъ особенно важно въ данномъ случаѣ, — въ К—ой семинаріи въ 1850 годахъ была въ ходу между семинаристами «Семинаріада», приписываемая въ нѣкоторыхъ спискахъ «профессору», т. е. преподавателю Ярославской Семинаріи Градусову [1]. Но эта «Се-

---

[1] Къ сожалѣнію, въ спискахъ воспитанниковъ дух. академій С.-Петербургской, Московской и Кіевской за первую половину нынѣшняго вѣка мы не нашли фамиліи Градусова. Можетъ быть, это былъ кто либо изъ воспитанниковъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, напр. Горигорѣцкаго Земледѣльческаго Института, обыкновенно преподававшихъ въ дух. семинаріяхъ Математику, Физику и Сельское хозяйство.

минаріада» не тождественна съ «Семинаріадой» бурсы Помяловскаго, такъ какъ приведенные у Помяловскаго отрывки изъ его «Семинаріады» не вошли въ составъ нашей. Притомъ же «Семинаріада» въ очеркахъ бурсы Помяловскаго, судя по описанію ея Помяловскимъ, описывала жизнь закрытой бурсы, на что указываетъ и вышеприведенный отрывокъ изъ нея, описывающій священную обитель, въ стѣнахъ которой, по всему вѣроятію, находилась эта бурса; между тѣмъ, наша «Семинаріада», хотя мѣстами, повидимому, и указываетъ на существованіе закрытой бурсы, но описываетъ исключительно бытъ квартирныхъ учениковъ духовныхъ училищъ и семинаристовъ.

Что наша «Семинаріада» составлена по подражанію Пушкину, именно большимъ его стихотворнымъ произведеніямъ «Русланъ и Людмила», «Евгеній Онѣгинъ» и «Полтава», это видно уже изъ техники стиховъ нашей «Семинаріады», написанныхъ 4-стопнымъ ямбомъ или съ перемежающеюся черезъ стихъ, а иногда и черезъ два стиха риѳмою, или же съ рядомъ стоящею риѳмою. Такое чередованіе стиховъ съ разнообразными риѳмами образовало у Пушкина болѣе или менѣе длинныя строфы, въ коихъ число стиховъ не всегда было одинаково даже въ одномъ и томъ же произведеніи. Такъ, напр. въ «Русланѣ и Людмилѣ» и «Полтавѣ» количество стиховъ въ отдѣльныхъ строфахъ совершенно произвольно и разнообразно; но въ «Евгеніи Онѣгинѣ» каждая строфа заключаетъ въ себѣ большею частію по 14 стиховъ. Наша «Семинаріада» въ этомъ отношеніи ближе подходитъ къ «Руслану и Людмилѣ» и «Полтавѣ» Пушкина, такъ какъ не соблюдаетъ правильнаго, однообразнаго чередованія и равнаго количества стиховъ въ каждой строфѣ. Но по содержанію и поэтическому вымыслу наша «Семинаріада» ближе къ Пушкинскому «Евгенію Онѣгину» и во второй части заключаетъ въ себѣ даже романическій любовный элементъ, хотя этотъ послѣдній, по нашему мнѣнію, не мало присочиненъ и искусственно навязанъ семинаристу.

Содержаніе нашей «Семинаріады», раздѣленной на три части, вкратцѣ слѣдующее.

I.

Въ первой части, называемой «Школьникъ», изображаются жизнь и бытъ ученика духовнаго училища, начиная съ самаго поступленія въ училище, находившееся въ одномъ городѣ съ духовной семинаріей. Въ сельской священнической семьѣ малютку Ванюшу снаряжаютъ въ

духовное училище на науку, утѣшая его тѣмъ, что, выучившись, онъ можетъ быть назначенъ въ попы:

— Учись, Иванъ, въ попы назначатъ!
— Иванъ не хочетъ и того.
Двѣнадцать лѣтъ учиться много,
Охота—право—отпадетъ;
А жизнь проклятая, ей Богу,
Ну хоть кого съ ума сведетъ.

Но волей-неволей Ванюша долженъ былъ ѣхать со своимъ отцомъ Василіемъ Павловичемъ въ училище, снабженный въ путь всѣми возможными въ сельскомъ быту хозяйственными запасами и лакомствами. Въ городѣ, послѣ долгихъ въ передней ожиданій выхода ректора училищъ, протопопа Демьяна, Ванюша довольно удачно выдержалъ передъ нимъ вступительный экзаменъ, но съ ошибками по церковному пѣнію, и предназначенъ былъ о. Демьяномъ къ поступленію въ первый классъ духовнаго училища; но отецъ Ванюши во-время сдѣлалъ нѣкія матеріальныя приношенія о. ректору училищъ, который, поэтому, и назначилъ Ванюшу прямо во второй классъ, давъ ему, по желанію отца, фамилію Славинъ. Затѣмъ, начинается выборъ квартиры для Ванюши, особенно трудный потому, что приходилось выбирать изъ плохихъ квартиръ менѣе плохую:

Тамъ тѣсно, пища здѣсь дурна,
А тамъ хозяйка—сатана,—
Съ ней дня не проживешь безъ брани.
На этой—лишней много дряни,
А тутъ—хозяинъ коновалъ.

Отецъ Ванюши вспомнилъ о своей теткѣ-старушкѣ, у которой онъ и самъ когда-то квартировалъ въ качествѣ семинариста, и упросилъ ее принять Ванюшу къ себѣ на квартиру, несмотря на то, что у нея было уже пять-шесть постояльцевъ-семинаристовъ. Во главѣ ихъ стоялъ студентъ богословіи Петръ Иванычъ, пользовавшійся особымъ вниманіемъ квартирной хозяйки, такъ какъ подавалъ надежду быть женихомъ ея дочери дѣвицы Людмилы.

И Петръ Иванычъ согласился
Смотрѣть за юнымъ новичкомъ,
Чтобъ не гулялъ онъ, а учился,
Чтобъ не шалилъ и не лѣнился,
Чтобъ былъ вполнѣ ученикомъ.

Кромѣ прямыхъ обязанностей по ученію уроковъ, Ванюша, переименованный теперь въ Ваньку, исполнялъ разныя мелкія работы по квартирѣ и хозяйственныя порученія, особенно богослова Петра Иваныча.

Но все бы это ничего,—
Училъ уроки онъ исправно.
Но пища, пища для него
Казалась очень не забавной.

Она состояла изъ пустыхъ кислыхъ щей, и притомъ подававшихся въ грязной посудѣ, и прокислаго квасу. Нужда заставила Ванюшу помириться и съ этой пищей и даже ждать ее, въ урочный часъ, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

Темно; студенты за столомъ.
Горитъ свѣча въ худомъ шандалѣ.
Одни внимательно читали
Какой-то пакостный альбомъ;
Другіе съ важностью Платона,
Хотя съ пустою головой,
Подвесть старались подъ законы
Упадки жизни міровой,
И въ то же время отъ досады
Кусали пальцы на рукахъ.
Здѣсь толковали о наградѣ
Людей святыхъ на небесахъ,
О мукахъ грѣшниковъ во адѣ
И страшной смерти во грѣхахъ.
Иные головы ломали
Надъ пріисканіемъ причинъ
И въ думахъ сладостныхъ дремали...
Иванъ въ углу сидѣлъ одинъ
Въ нетерпѣливомъ ожиданьи,
Когда Егоровна придетъ
И, прекративши засѣданье,
Роскошный ужинъ соберетъ.

Послѣ ужина, офиціальныя учебныя занятія прекратились.

Бесѣда сдѣлалась живѣе.
Пошли толки о томъ, о семъ,
Родились искреннія фразы,

Кипѣли споры ни о чемъ
И небывалые разсказы.
Казалось, каждый быть хотѣлъ
Другихъ забавнѣй и умнѣе,
Но былъ тупѣе и глупѣе...
Межъ тѣмъ Иванъ давно храпѣлъ,
Лежа за печкой на постели.

Ему снится, что онъ находится въ родномъ селѣ; но его сладкій сонъ прерывается суровою дѣйствительностію. Рано поутру, еще въ потемкахъ, просыпаются семинаристы и принимаются за недоученные уроки или повтореніе ихъ.

Связавши книги въ узелокъ
И съ ними хлѣба ломотокъ,
Не тратя времени напрасно,
Иванъ давно ужъ въ классъ ушелъ,
Хоть день былъ сѣрый и ненастный
И мелкій снѣгъ съ полночи шелъ.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе училища, классовъ и класныхъ занятій.

Какое пестрое волненье!
И на дворѣ, и у воротъ,
И въ огородѣ у забора,
И на крыльцѣ и въ коридорѣ
Толпится маленькій народъ.
Но это—только предисловье
Того, что̀ въ самыхъ классахъ есть.

А въ самомъ классѣ:

Вотъ стулъ съ некрашенымъ столомъ,
Скамейки, парты въ безпорядкѣ:
На нихъ разбросаны тетрадки.
Въ грязи весь полъ и потолокъ;
Безъ стеколъ окна, въ кои дышитъ
Порой съ Олимпа вѣтерокъ
И на щекахъ каминомъ пышетъ
Здоровья розовый цвѣтокъ.
Во всемъ здѣсь хаосъ первобытный,—
Въ словахъ, и въ мысляхъ, и въ дѣлахъ:
Одни твердятъ урокъ забытый,
А тамъ хлопочутъ о лозахъ;

Шумятъ, шалятъ, дерутся, пляшутъ,
Тѣснятся, другъ на друга скачутъ...
Все будто слилось въ бурный споръ,—
Ну, просто—демонскій соборъ.
Вдругъ растворили настежъ двери,—
Всѣ разбѣжались по угламъ.
Вошелъ учитель,—присмирѣли
И мигомъ сѣли по мѣстамъ.
Нотатки подали. Учитель
Ихъ взялъ и началъ разбирать.
Онъ настоящій былъ мучитель...
Безъ оправданья, начнетъ драть
Онъ всѣхъ незнающихъ урока,
И этимъ чудно исправлялъ
Неисправимые пороки.
Онъ первымъ средствомъ поставлялъ
Lignеum medicum отъ лѣни,
И точно—правъ былъ въ этомъ мнѣньи.
Звонокъ по сѣнямъ прогремѣлъ.
Учитель выйти не успѣлъ,—
Всѣ закричали, зашумѣли,
И снова тотъ же шумъ и гамъ.
Но скоро классы опустѣли,—
Всѣ разошлися по домамъ.

Первая часть поэмы оканчивается описаніемъ отпуска школьниковъ на вакаціи, путешествія Ванюши на милую родину и идиллическихъ картинъ сельской жизни въ дому родителей.

II.

Вторая часть поэмы носитъ названіе «Семинаристъ» и изображаетъ бытъ уже не учениковъ духовнаго училища и даже не воспитанниковъ низшаго отдѣленія или реторическаго класса семинаріи, а семинаристовъ философскаго и богословскаго классовъ, называвшихся уже студентами. Прежній Ванюша или Ванька превратился уже теперь въ Ивана Васильича Славина, покуриваетъ табачекъ изъ трубки и не прочь, при случаѣ, выпить вина съ товарищами. Но онъ все-таки представляетъ изъ себя не столько обычный типъ семинарскаго бурсака, хотя бы и квартирнаго, сколько одно изъ счастливыхъ уклоне-

ній отъ этого типа, указывающихъ, можетъ быть, на исключительныя, индивидуальныя черты характера автора поэмы. Герой нашей поэмы:

Любилъ мечтать о дняхъ минувшихъ,
Не разъ надежду обманувшихъ,
И ихъ любилъ перебирать
Своею мыслію живою.
Рожденный съ огненной душою,
Онъ былъ поэтъ въ своей душѣ;
Онъ слышалъ высшее призванье,
Онъ понималъ очарованье
И не бросалъ его вотще.
Одно, одно его крушило:
Судьбы коварною рукой
Онъ брошенъ былъ въ вертепъ пустынный,
Гдѣ горе — съ огненной душой.

Притомъ же, студентъ Славинъ имѣлъ и матеріальную обстановку, нѣсколько исключительную.

Онъ у купца училъ дѣтей,
И вотъ, по этой-то причинѣ,
Сверхъ денегъ десяти рублей,
Онъ жилъ въ отдѣльномъ мезонинѣ.
. . . . . .
Готовый столъ, готовый чай,
Свѣчи, постеля пуховая,
Ну словомъ ничего не знай!

Онъ даже одѣвался, въ важныхъ случаяхъ своей жизни, по послѣдней модѣ.

Въ короткомъ, черномъ сюртукѣ,
Съ узорчатымъ хлыстомъ въ рукѣ.

Но Славинъ былъ добрымъ товарищемъ для своихъ сочениковъ и потому, несмотря на исключительность своего положенія, отражалъ въ себѣ и характеристическія черты тогдашняго семинарскаго быта.

По возвращеніи Славина съ родины въ семинарію, пришли къ нему поздравить съ пріѣздомъ его товарищи — семинаристы Петръ Николаичъ Соколовъ и Сергѣй Петровичъ Вячеславовъ и потребовали у хозяина угощенія виномъ. Славинъ согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Соколовъ спѣлъ ему любимую его пѣсню:

«Зачѣмъ, зачѣмъ, пѣвецъ унылый,
Зачѣмъ ты спишь тревожнымъ сномъ? и проч.

Соколовъ спѣлъ эту пѣсню, а онъ пѣлъ недурно и имѣлъ «голосъ съ сильнымъ выраженьемъ». Въ дружеской бесѣдѣ за чаемъ, трубкой табаку и водкой, Вячеславовъ попросилъ у Соколова, какъ болѣе опытнаго и бывалаго человѣка, совѣта,—какъ найти болѣе лучшую и выгодную квартиру для себя. Въ отвѣтъ на это, Соколовъ указалъ ему цѣлый рядъ примѣтъ хорошихъ квартиръ:

И вотъ тебѣ примѣты:
Онѣ и ясны, и темны,
Но ничего не мудрены.
Квартира очень недурная
Тамъ, гдѣ хозяйка въ двадцать лѣтъ,
Иль даже въ тридцать; нужды нѣтъ.
. . . . . .
Но если у хозяйки дочка
Есть восемнадцати годовъ,
Я просто здѣсь поставлю точку, и проч.
. . . . . .
Но вотъ бѣда, вотъ искушенье
Жить у дьячковъ, у звонарей,
У женъ, пришедшихъ въ разоренье
Отъ пьянства горькаго мужей,
А особливо у знакомыхъ,
Въ десятой степени родныхъ,
Иль черезъ мѣру экономныхъ
Хозяекъ въ лѣтахъ пожилыхъ,
У коихъ стая ребятишекъ,
Да постояльцевъ дюжинъ пять.
Вы сами можете понять,
Какъ нехорошъ такой излишекъ!

Вѣроятно, лучше всѣхъ квартира оказалась у нашего героя Славина. На другой день послѣ товарищеской пирушки онъ, пользуясь праздничнымъ днемъ, проснулся и всталъ позже обыкновеннаго, выкурилъ трубку табаку и принялся за чай. Но ему скучно одному пить чай, притомъ же съ отяжелѣвшей съ похмелья головой,—и онъ велитъ Николкѣ пригласить на чай свою хозяйку съ племянницей ея, 17-лѣтней дѣвицей Марьей Павловной. Обѣ онѣ охотно идутъ на приглашеніе Славина. Любознательная племянница, по указанію 40 лѣтней набожной тетеньки, успѣла уже прочитать «Собраніе нравоучительныхъ бесѣдъ», «Псалмы», и «Часы благоговѣнія», и тайкомъ, безъ

ея разрѣшенія,—«Жизнь секретаря», «Потерянный рай» Мильтона, «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» (Жуковскаго) и др. Славинъ, съ своей стороны, давалъ Машѣ книги для прочтенія и въ настоящій разъ, по ея желанію, передалъ ей сочиненія Державина. Маша разливала чай въ квартирѣ Славина, который тутъ же, по ея просьбѣ, спѣлъ, подъ аккомпаниментъ гитары, старинный чувствительный романсъ: «Мнѣ грустно, только меркнутъ взоры; зачѣмъ мученія терплю?»—Вечеромъ онъ отправился, по приглашенію Маши, съ нею и ея теткою на общественное гулянье.

Но гулянья съ барышнями и попойки у друзей имѣли и ощутительно непріятныя послѣдствія для семинаристовъ.

Урокъ оставленъ до утра,
Умъ вскипяченъ великимъ паромъ,
Не любитъ гадкаго пера,
Ему идей не повѣряетъ.
Онъ въ мірѣ горнемъ обитаетъ,
Ему все низко на земли,
Все грязно кажется, ничтожно.
Скажите сами, какъ возможно
Копаться въ заданной пыли
Уроковъ мелкихъ, предложеній
Незанимательныхъ, пустыхъ,
И въ перепискѣ разсужденій!
Все это вздоръ, все это дрянь.

Словомъ, урокъ не приготовленъ. А между тѣмъ на колокольнѣ бьетъ 7 часовъ, и этотъ звонъ напоминаетъ семинаристу, что онъ волей—неволей долженъ отправляться въ классъ.

Но, дѣлать нечего,—поди
Въ проклятый классъ, хоть вѣтеръ воетъ,
Хоть дождь, хоть бурный ураганъ,
Хоть будь ты трезвъ, хоть будь ты пьянъ,
Хоть при послѣднемъ издыханьи,
Ничто тебя не извинитъ,
И ты готовься къ наказанью
Жестокому, какъ смерть сама,
Стоять у печки на колѣняхъ.

А иногда, въ видѣ наказанія, «на мѣсяцъ въ кухню посылаютъ». Повидимому, это—кухня при семинарскомъ общежитіи или бурсѣ, куда

посылали провинившихся семинаристовъ, кажется, для исполненія черныхъ работъ по кухнѣ. Тамъ—

Дымъ, сажа, грязь и чернота,
Угрюмый сводъ и темнота,
Вѣсы. Шумъ, гамъ безъ угомона,
Какъ въ царствѣ страшнаго Плутона.

Во избѣжаніе этого наказанія, авторъ поэмы совѣтуетъ семинаристамъ непремѣнно являться въ классъ, хотя бы и не выученъ былъ урокъ.

Пускай не выученъ урокъ,
Пускай не примутъ оправданья;
Но—только загудитъ звонокъ,
Бѣгите не жалѣя ногъ:
Вамъ будетъ легче наказанье,
А можетъ быть, а можетъ быть...
А быть чего подъ разъ не можетъ?!
Вамъ ваша память вдругъ поможетъ
Урокъ до класса повторить,
Или тетрадка при отвѣтѣ,
Или подскажутъ какъ нибудь,
Или профессоръ не замѣтитъ.
А какъ они нерѣдко врутъ,
А ошибаются и часто,
Не знаю вѣрно отчего,
То ты хоть кстати, хоть не кстати,
Катай, что знаешь—не бѣда,
Когда тебя не остановятъ;
Подскажутъ,—зачитаешь снова.
И такъ отвѣтишь безъ труда.
Но пусть совсѣмъ не прочитаешь,
Повѣрь, не больше побранятъ,
Да спросятъ: отчего не знаешь?
А ты въ отвѣтъ: глаза болятъ,
Иль что другое въ этомъ родѣ;
А нынѣ,—вѣдь, обманъ-то въ модѣ
Не только здѣсь, но и вездѣ.

Весною жизнь семинаристовъ разнообразится такъ называемыми «рекреаціями» или загородными прогулками семинаристовъ для развлеченія и отдыха.

Въ лѣсу на роскошной долинѣ
Мелькаютъ пестрыя толпы.

Въ иной поютъ, лоптой играютъ;
А тамъ вкругъ булокъ суетятся
И покупаютъ ячный квасъ;
Кричатъ, торгуются, бранятся.

А за кулисами «студенты», среди березъ, сидятъ за виномъ и курятъ «трубки съ табакомъ». Въ качествѣ «рѣдкости», авторъ поэмы указываетъ даже на любовное свиданіе подвыпившаго студента съ подругой своего сердца.

Іюнь, іюля половина. Семинаристы нерѣдко отправляются на загородную прогулку по полямъ. Но важнѣйшимъ событіемъ этого сезона является окончательный, публичный экзаменъ.

И вотъ начался ужь экзаменъ,
Вездѣ сидятъ, вездѣ молчатъ.
Читаютъ: «Что есть темпераментъ?»
И молодецки все сподрядъ.
Что значитъ твердое ученье!
Гдѣ ни спроси, все на подхватъ,
Однако жъ просто удивленье!..
Тутъ удивительнаго нѣтъ:
Здѣсь каждый пунктъ разсчитанъ прежде,
Какъ путь блуждающихъ кометъ,
Здѣсь за философа невѣжду
Принять недолго,— какъ узнать?!

Публичный экзаменъ оканчивается раздачею лучшимъ семинаристамъ въ награду за успѣхи старыхъ, вышедшихъ уже изъ употребленія учебниковъ и учебныхъ пособій, съ соотвѣтственными высокопарными надписями начальствующихъ лицъ. Ихъ—

Студенты жадно разбирали:
Какъ будто этихъ книгъ
Они на свѣтѣ не видали.

Наконецъ—

Вакація,—конецъ ученью,
Конецъ заботамъ и трудамъ,
Конецъ проклятому мученью,
Конецъ надеждѣ и терпѣнью,
Конецъ мучительнымъ ночамъ,
Безъ сна за книгой проведеннымъ.
Вакація!

Какъ долго ждалъ студентъ тебя?!
Онъ для тебя хранилъ себя;
Онъ воленъ тѣломъ и душой;
Къ ногамъ упалъ вѣнецъ терновый!
Предъ нимъ со всею красотой
Раскрытъ весь міръ прелестный, новый.
Назадъ онъ съ ужасомъ глядитъ;
Онъ въ прошломъ видитъ только горе.
За то, за то его манитъ
Другая жизнь въ другомъ уборѣ,
Въ другой плѣнительной тѣни.
Все мило, гдѣ ты ни взгляни.
Все обѣщаетъ наслажденья,
Утѣхъ и счастья цѣлый рой,
Прошедшихъ горестей забвенье,
Отраду, нѣгу и покой.

III.

Третья часть поэмы озаглавливается «Студентъ», такъ какъ изображаетъ мысли и чувствованія уже окончившаго курсъ студента Семинаріи. Въ нѣкоторыхъ спискахъ поэмы этой части вовсе нѣтъ, и она отличается большею серьезностію и глубиною мыслей и чувствъ, чѣмъ первыя двѣ части, что, впрочемъ, и естественно въ молодомъ, мало-мальски мыслящемъ человѣкѣ передъ вступленіемъ его въ дѣйствительную жизнь.

Иванъ Васильичъ кончилъ курсъ. Теперь ему нуженъ уже не билетъ, а аттестатъ, выдачи котораго онъ и дожидается въ передней ректора.

Вотъ наконецъ ему вручили
Давно ожиданный листокъ.
Какъ важенъ этотъ лоскутокъ,
Хоть онъ—и горсть грядущей пыли!
Онъ есть скрижаль всего того,
Что со студентомъ было прежде;
И въ немъ же сверхъ сего всего
Заключены его надежды
И счастье будущихъ годовъ.
Теперь онъ выстрадать готовъ
Себѣ его благоволенье,

Расцѣловать душевно радъ
Свой благосклонный аттестатъ.
Онъ составляетъ заключенье
Прошедшихъ невозвратныхъ дней,
Во мглѣ былаго утонувшихъ,
И вексель дней еще грядущихъ,
Залогъ вниманія людей
Въ кругу обширной жизни новой,
Завистливой, сухой, суровой,
Гдѣ тоже есть, какъ и вездѣ,
Свои бѣды, свои невзгоды.

Аттестатъ оказался хорошимъ. Славинъ причисленъ къ первому разряду. Казалось, все обстоитъ благополучно, а между тѣмъ у Славина чувствуется какая-то тяжесть на душѣ.

Я будто что-то потерялъ
И будто что-то оставляю,
Чего мнѣ очень—очень жаль.
Но я отчасти понимаю
Сію души моей печаль,
И эту скорбь благословляю,
Такъ Семинаріи мнѣ жаль!
Она была мнѣ не чужая,
Но какъ-то близкая, родная.
Въ ней цѣлыхъ шесть я прожилъ лѣтъ,
Въ ней развились мои желанья,
Въ ней возрасли мои познанья;
Она была мнѣ—цѣлый свѣтъ.
Тамъ презирать, карать порокъ
Я измладенчества учился.
Но все прошло; всему есть срокъ!
Я отъ родныхъ не отчуждился
Знакомыхъ и привѣтныхъ стѣнъ;
Я былъ въ нихъ счастливъ. А кто знаетъ,
Что въ мракѣ будущихъ временъ
Фортуна мнѣ приготовляетъ?!
Быть можетъ, на—день по сту разъ
Съ слезами, стѣны, вспомню васъ!
Сто разъ, быть можетъ, пожелаю
Быть столько счастливымъ, какъ былъ.

Стоя на распутіи жизни, Славинъ чертилъ въ своемъ воображеніи картины будущей своей жизни; но всѣ онѣ были не хороши и не соотвѣтствовали его желаніямъ.

А онъ желалъ бы отъ души
Осуществить свои мечтанья
Прошедшихъ молодыхъ годовъ
И грезы первобытныхъ сновъ.
Но на повѣркѣ всѣ затѣи
Несбыточны, какъ лживый сонъ:
Вездѣ препятствій милліонъ.

Прямая дорога ему предстояла—идти въ священники. Но—

Идти въ попы—охоты нѣтъ:
Ему извѣстны укоризны
И ненависть пустыхъ головъ
Къ духовнымъ лицамъ, и къ тому же
Въ деревнѣ жить межъ мужиковъ
И, что еще гораздо хуже,
Смѣнить красивую шинель
Презрѣнной долгополой рясой,
Рогожей—модную фланель,
Сюртукъ—подрясникомъ... Сжилася
Его душа со вкусомъ модъ!
И посему въ духовной родъ
Идти онъ вовсе не желаетъ;
Его онъ даже презираетъ.

Незавидна и перспектива поступить въ чиновники: всю жизнь возиться съ бумагами, низко кланяться судьѣ, кривить душою, «всегда въ деньжонкахъ колотиться и никогда ихъ не имѣть»! Хорошо бы продолжать учиться и доучиться до званія доктора; но—

Сѣсть за классную скамейку,
За ту же парту, и опять
Премудрость грызть лѣтъ шесть иль пять!!!
Избави, Господи! Довольно!

Хорошо бы поступить на службу въ полкъ:

Тамъ жить нескучно и привольно:
Друзья, чины, кресты; за то
Тутъ нужно денегъ очень много,—
А онъ? Онъ – сущій Иръ убогій.

Наскучивъ своими размышленіями и планами, Славинъ прошелся по комнатѣ, взялъ гитару и запѣлъ свою любимую пѣсенку: «Зачѣмъ, зачѣмъ, пѣвецъ унылый». Онъ пѣлъ съ такимъ увлеченіемъ, что и не замѣтилъ, какъ къ нему вошелъ его другъ-пріятель Сергѣй Вячеславовъ. Послѣдній хочетъ разсѣять грустныя мысли Славина и предлагаетъ идти къ нему гостить въ Зарѣчье, провесть тамъ храмовой праздникъ Успенія, а затѣмъ отправиться по епархіи смотрѣть священническихъ дочерей—невѣстъ.

Найдемъ невѣстъ десятка по-три,
Всѣхъ пересмотримъ, будемъ пить!
Тогда всякъ попъ насъ напоитъ
За то, что дочь его посмотримъ.

Но Славинъ рѣшительно отвергаетъ предложеніе Вячеславова и съ пушкинскимъ разочарованіемъ отвѣчаетъ своему другу:

Нѣтъ!
Благодарю за предложенье!
Я не пойду въ разгульный свѣтъ,
Я заточусь въ уединенье
Одинъ въ родномъ своемъ селѣ,
И тамъ внѣ шума, на просторѣ,
Какъ рыба въ безмятежномъ морѣ,
Незримый въ полунощной мглѣ,
Скучать я стану отъ бездѣлья.
Мнѣ опротивѣло веселье,
Какъ сыну Бахуса похмелье.
Мнѣ какъ-то легче одному,
Когда ничто мнѣ не мѣшаетъ:
Я въ размышленіяхъ тону;
Мечты вокругъ меня порхаютъ;
Тогда я жадно ко всему
Свое вниманье обращаю
И тѣмъ унынье разгоняю.
Тогда мнѣ легче, веселѣй:
Душа какъ будто бы проснется,
И сердце вдругъ въ груди моей
Сильнѣй и правильнѣй забьется:
Нѣтъ, милый, мой благодарю!
Поди одинъ! Дай Богъ счастливо!
Мое предчувствіе правдиво:

И я какъ будто ужъ смотрю,
Что ты сидишь съ гостями дома,
Пьешь беззаботно пунши съ ромомъ,
Нашелъ прелестную жену:
Ее привѣтливо ласкаешь,
Еще какъ будто что... Да ну!
Ты остальное понимаешь...

Вотъ вкратцѣ содержаніе «Семинаріады» г. Градусова. Въ общихъ чертахъ оно не выдумано авторомъ и, за незначительными исключеніями, скопировано съ дѣйствительности. Мы не знаемъ только ежедневной порки учениковъ училища учителями, любовно-зазорныхъ похожденій семинаристовъ или «студентовъ» и не имѣемъ даже и представленія о той ужасной кухнѣ, которая служила мѣстомъ наказанія для особенно провинившихся студентовъ. Все же остальное, начиная съ пріема Ванюши въ училище, помѣщенія на квартирѣ и оканчивая публичнымъ экзаменомъ и раздачею въ награду лучшимъ ученикамъ вышедшихъ изъ употребленія учебниковъ и учебныхъ пособій съ надписями, въ дѣйствительности существовало, съ небольшими варіаціями, и въ извѣстныхъ мнѣ духовномъ училищѣ и семинаріи.

Если сравнивать нашу «Семинаріаду» съ очерками бурсы Помяловскаго, то послѣдніе представляютъ изъ себя какъ бы героическій и даже миѳическій, баснословный эпосъ духовной бурсы, тогда какъ «Семинаріада» представляетъ собою историческій ея эпосъ, съ болѣе очеловѣченными героями.

Разница эта, можетъ быть, много зависитъ отъ условій бурсы Помяловскаго, какъ вполнѣ закрытаго духовно-учебнаго заведенія, тогда какъ наша «Семинаріада» изображаетъ исключительно квартирныхъ учениковъ училища и семинаріи. Но разница эта много зависитъ также и отъ извѣстнаго идейнаго освѣщенія той и другой бурсы. Въ этомъ отношеніи наша «Семинаріада» болѣе мягко и человѣколюбиво относится къ семинаристу, чѣмъ очерки бурсы Помяловскаго, и этимъ она обязана, по нашему мнѣнію, вліянію Пушкинской поэзіи.

Этому вліянію «Семинаріада» прежде всего обязана самымъ выборомъ сюжета для поэмы, дотолѣ годившагося только развѣ для карикатурныхъ изображеній. Вслѣдъ за Пушкинымъ и по его примѣру, авторъ «Семинаріады» взялъ не какой либо величавый образъ знаменитаго героя, а обыкновеннаго человѣка изъ своей же среды, въ его обыденной обстановкѣ, и изобразилъ его не торжественнымъ, высоко-

парнымъ стилемъ, а живою литературною рѣчью, обилующею образами, сравненіями и противоположеніями изъ круга жизни и міровоззрѣнія самого семинариста. Въ «Семинаріадѣ», какъ и у нашего знаменитаго поэта, обыденная жизнь семинариста изображается объективно, съ извѣстнымъ ироническимъ, хотя въ то же время и любовнымъ отношеніемъ къ отрицательнымъ сторонамъ семинарской жизни. Особенно эта сторона «Семинаріады» видна въ частыхъ противопоставленіяхъ разныхъ сценъ искусственной бурсацкой жизни идиллическимъ, патріархальнымъ сценамъ загородной сельской жизни и безыскусственной природы.

Кромѣ отрицательныхъ сторонъ, есть въ этой поэмѣ и положительныя стороны, указывающія на существованіе въ семинаристѣ извѣстныхъ идеаловъ. Главный герой «Семинаріады»

Славинъ—
желалъ бы отъ души
Осуществить свои мечтанья
Прошедшихъ молодыхъ годовъ
И грезы первобытныхъ сновъ.

Да и въ самой семинаріи онъ не сидѣлъ праздно, а учился истинѣ и добру.

Въ ней (Семинаріи) развились мои желанья;
Въ ней возрасли мои познанья;
Она была мнѣ цѣлый свѣтъ.
Тамъ презирать, карать порокъ
Я измладенчества учился.

Правда, мечты и идеалы главнаго героя поэмы были не высоки, какъ не высоки они были и у Онѣгина. Въ заключеніе, они сводятся лишь къ тому, чтобы избѣжать священства, къ которому Славинъ спеціально приготовлялся своимъ воспитаніемъ, и поступить въ чиновники, врачи и офицеры. Какой жизненный путь выбралъ для себя Славинъ объ этомъ «Семинаріада» не говоритъ; но если отождествлять его съ авторомъ поэмы профессоромъ Градусовымъ, то очевидно, что онъ закончилъ свое образованіе въ одномъ изъ высшихъ или спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Во всякомъ случаѣ, это недовольство семинарской средой и бытомъ духовенства и бѣгство семинаристовъ въ другія сословія и званія вызывались сознаніемъ тогдашнихъ недостатковъ духовнаго образованія и вообще быта духовенства,—сознаніемъ, развитію котораго содѣйствовали «Семинаріада», а чрезъ нее и А. С. Пушкинъ.

Другимъ, болѣе радикальнымъ послѣдствіемъ развитія этого сознанія была реформа духовныхъ училищъ и семинарій по новому уставу

1867 года, которая прервала и совершенно уничтожила прежнія традиціи духовной бурсы. Вмѣстѣ съ этою реформою, забыты были и прежнія «Семинаріады», имѣющія въ настоящее время лишь историко-литературное значеніе, и притомъ не глубокое. Спасибо, впрочемъ, и за то нашему великому поэту русскому. Своею живою и широкою поэтическою дѣятельностію онъ заронилъ искру самосознанія и самообличенія въ душу воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній и тѣмъ содѣйствовалъ ихъ умственному просвѣтлѣнію и нравственному очищенію.